

Феликс Чечик

ПОВОДОК

•

Жизнь продолжается... Ну, что ж,
давай продолжим — я не против:
продолжим боль, продолжим дрожь
и ужас наших подворотен.
Ведь нам с тобой не привыкать
к тому, что мы не человеки;
давай отложим жизнь опять
ненадолго тире навеки.
И обезвоженным дождем,
как над владивостоком-брестом,
обнявшись навсегда, пройдем
по главной улице с оркестром.

•

моим друзьям и одногодкам
жило от счастья вдалеке
на металлическом коротком
и бесконечном поводке
освободившись наконец-то
и сделав прошлому рукой
они заторопились в детство
как будто в детстве есть покой

•

1

Портретом Набокова
дырку прикроешь в стене,
чтоб око за око
и ворон упали в цене.
И певчая птица,
которой названия нет,
навек растворится
за стенкой дырявой, где свет.

2

*... вон, участок, в таком-то ряду.
Ю. Г.*

На кладбище таком-то,
на участке таком и ряду,
нет, не рвется, где звонко,
но пустыню имеют в виду.
Гонка по вертикали
там, где звезд золотые плевки:
на попутках с тюками
и на челленджерах челноки.
С утюгами, с постельным,
как саван — последним бельем,
конопляным, предельным,
Донбасским, поросшим былъем.
На таком-то кладбище,
где просеивает решето, —
без любви и без пищи
не останется больше никто.
На такой-то планете, —
и, по-видимому, навсегда,
разорвавшая сети,
пустынная светит звезда.

•

Поставят на уши весь двор:
два «Рислинга» и три «Кагора».
Кто — Кьеркегор? Я — Кьеркегор?
За Кьеркегора!
Не на чужие — на свои, —
не вымокли, но отсырели.
За метафизику любви
и физику в кустах сирени!
Потом на танцы. А потом
лежать в траве девятым валом
и звездный лицезреть понтон
и муравьям светить фингалом.
А утром снова на завод;
и снова этим опечален —
в автобусе сблюет, вот-вот,
метафизический датчанин.

•

переводную картинку
времени переведи
и под ночную сурдинку
сердце забьется в груди
летним лете́йским ли водам
вынесет свой приговор
сурдо ночным переводом
пламенный глохнет мотор

•

По шерсти гладя кошку
и за ухом собаку,
присядем на дорожку
и улыбнемся мраку.

Традиция такая —
присесь, хоть на мгновенье,
чтоб, сердцу потакая,
любовь текла по вене.
Пока еще есть время
(на доньшке, почти что)
и не прогнуло бремя
и в летнем небе чисто,
и никого, и кроме
нас — нет на белом свете
и только плачут в доме
животные, как дети, —
уже не понарошку
ночь обживаем эту...
Присядем на дорожку
и улыбнемся свету.

С тех пор, как минимум, лет сто
прошло, а, может быть, и двести:
мой плащ с твоим полупальто
на вешалке висели вместе.
Мой кожаный и нежный плащ
с твоим полупальто в горошек;
не плачь, что время, как палач
казнит и не щадит хороших.
В Москве, как в цирке шапито,
разгуливали по морозу.
Где плащ и где полупальто,
которые не знали сносу?
Их нет, как нет и нас с тобой.
И веры нет и нет надежды.
Лишь неба полог голубой —
все, что осталось из одежды.
Но плащ висит в прихожей вновь
с полупальто в обнимку снова,

как бесконечная любовь
на фоне неба голубого.

Младенец пахнет: лесом, полем,
сиренью, мартовской рекой,
прибоем, звоном колоколен,
не нарушающим покой.
Он — всюду, — от него не деться,
состарившемуся тебе.
И запах счастья и младенца
у снегопада в декабре.